

областной организации ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР... С. 62–63.

11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 54. Д. 57. Л. 4.

12. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Свердловская область. Т. 2. С. 331–346.

13. Там же. С. 348.

14. Там же. С. 349–350.

15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 122. Д. 529. Л. 2; Оп. 54. Д. 1. Л. 52; Сушков А.В., Разинков С.Л. Указ. соч. С. 47, 50.

16. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 2. С. 403, 500; Справочник партийного работника. М., 1957. С. 127; Сушков А.В., Разинков С.Л. Указ. соч. С. 47.

**Табуркина И.В.
(Нижний Тагил)**

**«Рекрутируемые во власть»: социальные характеристики
депутатов Городского совета Нижнего Тагила
на рубеже 1920-х – 1930-х гг.**

На рубеже 1920–1930-х гг. на Урале формировались новые стратегии взаимодействия власти и общества, в контексте которых проявление лояльности по отношению к государственным структурам и общественного активизма становилось обязательным элементом социальных практик населения, что было необходимо как партийно-государственному руководству страны для реализации курса форсированной модернизации, так и самим городским жителям для выживания в новых жизненных условиях.

Одной из основных форм проявления политической активности было участие в работе городских и сельских советов рабочих и крестьянских депутатов, которые не только являлись прямым инструментом реализации на местах принятых центральной властью решений, но и аккумулировали значительную часть обязанностей по осуществлению принятого курса.

Первый совет был образован в Нижнем Тагиле в 1919 г., далее его формирование происходило на основании ежегодных перевыборов. Исключением являлся период с 1927 по 1928 г., когда совет работал в прежнем составе в течение двух лет. Городской совет 10 созыва (1929 г.) был первым советом, выборы в который прошли в

условиях начавшегося «великого перелома», что оказало существенное влияние на ход кампании.

В ходе перевыборной кампании в городской совет Нижнего Тагила в 1929 г. было выбрано 227 депутатов.

Для реализации поставленной исследовательской задачи – создания социального портрета депутата городского совета – нами была сформирована источник-ориентированная база данных (БД) «Депутаты», реализованная в СУБД Access 2000, в основу которой были положены личные карточки депутатов городского совета Нижнего Тагила.

Обработка источника выявила ряд трудностей, одну из которых составляет субъективность анкет, которые заполнялись либо самими депутатами, либо работниками исполкомов со слов члена городского совета. Зачастую биографические данные, изложенные в анкетах, были изменены в угоду политической конъюнктуры. В основном это касалось таких пунктов как социальное положение и национальность, что позволяет предположить наличие контроля в системе представительства и влияние на процесс формирования «нового типа личности» институциональных фильтров.

Обратимся к рассмотрению социального портрета депутатов совета, отталкиваясь от социальной классификации и ее основных критериев.

Основным фактором, влиявшим на формирование состава депутатов, являлась высокая социально-профессиональная мобильность членов общества, характерная для рубежа 1920–1930-х гг. Набирающая темпы индустриализация страны требовала увеличения численности промышленных рабочих за счет сельского населения. Эта тенденция приводила к резкому изменению социальной структуры населения, что отражалось на доле представителей каждой категории в органах власти.

Превалирующее большинство депутатов 10 созыва (65,58 %) свое социальное положение определили как «рабочие». К этой категории относились лица, «основным занятием которых является и являлся физический наемный труд в производстве и на транспорте» (1). Доля рабочих в составе Городского совета Нижнего Тагила существенно отличалась от общесоюзных показателей (55,4% рабочих в составе горсоветов, из них 46% – рабочие с производства, 9,4% – занимающие административно-хозяйственные должности) (2), что было обусловлено промышленной специализацией города и планомерной

работой местного партийно-государственного аппарата по реализации директив правительства по увеличению в составе Советов «рабочих от станка».

Стремление руководства страны обеспечить доминирование в составе советов «рабочих от производства и крестьян от сохи» было связано с необходимостью консолидации общества и снятия напряжения во взаимоотношениях партийной власти со своей основной социальной опорой, взбудораженной принятым курсом на интенсификацию труда.

Второй по значимости социальной категорией, представленной в Городском совете, являлись служащие. Но если общесоюзный показатель доли служащих в горсоветах составил 26,6%, то в Нижнем Тагиле он равнялся 15,35% от общего числа депутатов. Уменьшение в индустриальных городах доли служащих в составе городских советов депутатов объяснялось реализацией директивы партийного руководства о необходимости сокращения числа служащих в горсоветах и «максимального ограничения на ближайшие 2 года приема в партию нерабочих элементов».

В отличие от рабочих, крестьянство – третья группа депутатов, в которую мы включили категории населения, занимавшиеся в качестве основной хозяйственной деятельности сельскохозяйственным трудом, было менее однородной группой и составляло всего 2,3% от общего числа избранных.

Поскольку в общепринятой классификации предусмотрены три основные социальные категории, то депутатов, идентифицирующих себя как «домохозяин» либо «домохозяйка», «учащийся», «красноармеец», мы отнесли в категорию «прочие», удельный вес которой составил 12,1%.

Региональная политика советского государства оказала существенное влияние на демографический облик городских советов.

Важным фактором, определявшим превалирование в составе Городского совета мужчин (65,5%), являлась производственная специфика региона, гендерность в разделении труда, характерная для развития советского общества на рубеже 1920–1930-х гг. Занятость в промышленном производстве, как и самостоятельный крестьянский труд, были, по преимуществу, мужскими видами занятий, поэтому доля женщин среди представителей этих социальных категорий была гораздо ниже, особенно по сравнению с общесоюзными показателями. Несколько выше был процент женщин-депутатов в

категории «служащие» (19,9% среди всех депутатов женщин и 42,4% соответственно).

Стремление властей включить женское население в активное политическое пространство, привлечь к решению производственных задач, существенно корректировалось сохранением традиционных представлений об ограниченности роли женщины в общественной жизни. Если в общесоюзном масштабе число женщин составило 27% от общего числа депутатов (для сравнения в 1927 г. – 21,1%), то в индустриальных городах гендерный ценз изменялся в сторону увеличения доли женщин. Так, согласно материалам о ходе избирательной кампании 1929 г. по Уральской области соотношение мужчин и женщин среди депутатов равнялось 69,7% к 30,3% (79,6% к 20,4% по итогам перевыборной кампании 1927 г.) (3).

Анализ информационных сводок ГПУ позволяет изменить акценты в определении причин меньшей политической активности женщин по сравнению с мужским населением. Сохранение традиционного представления об участии в Советах, зачастую олицетворявшихся с сельскими сходами, как типично мужском занятии, было присуще скорее не женскому сознанию, а являлось традиционалистской точкой зрения мужчин, силовыми приемами ограничивающими свободу женщин. На совещаниях женского профактива среди причин незначительного участия представительниц женского населения в работе Советов сами активистки называли свою малограмотность, нежелание работать, «отсталость от мужчин в развитии» (4). Выше процент женщин-депутатов был среди жительниц городов – представительниц рабочего класса, имеющих опыт участия в выборах, работавших в партийных и профсоюзных организациях. В данный период начинает складываться определенный тип политически активных женщин, признающих для себя значимой необходимость решения государственных задач параллельно с личными вопросами. Молодые незамужние женщины, вышедшие из-под гиперопеки отцов и пока свободные от влияния мужей, составляли основную часть депутатов (5).

Рассматривая категорию «Возрастной состав», для упорядоченности и точности анализа необходимо определить шаг возрастного интервала. Поскольку нами рассматривалась специфическая социальная группа, не имеющая строго зафиксированного демографического показателя, при определении возрастного интервала был применен метод Г.А. Стерджесса, в

котором оптимальная величина в группировочном признаке рассчитывается по формуле: $k = (x_{\max} - x_{\min}) / (1 + 3.21 \lg n)$, где x_{\max} – наибольшее значение признака, x_{\min} – наименьшее значение признака, n – количество единиц наблюдения. В результате применения расчетной формулы, при варьировании возраста депутатов от 19 до 61 года, нами была определена оптимальная величина шага в 7 лет.

Большинство депутатов 10 созыва было сосредоточено в возрастном интервале 26 – 32 года. Молодежь находилась в возрасте, наиболее благоприятном для проявления жизненной и общественной активности, одной из форм которой являлась работа в органах местного самоуправления. Это положение было следствием целенаправленной социальной политики руководства страны, так называемой «линией на внедрение молодняка в кадры». В 1920–1930-е гг. партийным руководством была дана установка на формирование нового типа сознательности – сознательности пролетарского выдвиженца, имеющего потенциальные возможности продвижения вверх. Люди среднего и старшего поколения, как правило, отличались меньшей мобильностью. Достигнув, благодаря большому производственному стажу и высокой квалификации, определенного статуса и стабильной заработной платы, такие рабочие, в основной массе, не стремились к изменению своего положения посредством проявления активности и продвижения по общественной лестнице.

При анализе возрастной структуры депутатов совета прослеживается прямая взаимообусловленность категорий «возраст» и «партийность», и «партийность» и «социальное положение». Анализ БД показывает, что существует устойчивая тенденция: чем старше возраст, тем больший процент беспартийных депутатов. Молодое поколение, в основной массе лояльнее относясь к новой власти, воспринимало вступление в партию как обязательный атрибут активной гражданской позиции. Более подверженные влиянию государственной идеологии, разделяя и поддерживая ее, они активно добивались партийного билета, считая его или залогом дальнейшего продвижения и стабильности, или документом, отражающим их идейные убеждения. Представители старшего поколения, вступившие в партию до революции или в годы гражданской войны, в основном руководствовались идейными соображениями. Именно они составляли большинство партийных депутатов. Другая часть людей, чей возраст превышал 35 лет, пережившая неоднократное изменение жизненных устоев, настороженно относилась к установившейся

власти и не торопилась вступать в ряды партии, занимая выжидательную позицию.

Категория «партийность» в иерархии социально значимых качеств депутата городского совета занимает одно из важнейших мест. В 1929 г. из 215 депутатов 37,2% были беспартийным. Меньший процент беспартийных депутатов (31,9%) отмечался среди рабочих, доля которых была выше в промышленных городах, поскольку для них как квазипривилегированной группы, существовали льготные условия вступления в партию. Членами ВЛКСМ являлись 3,3% от общего количества депутатов тагильского совета.

Применительно к депутатскому корпусу городского Совета Нижнего Тагила анализ материалов базы данных показывает, что не существовало прямой зависимости между партийностью и уровнем образования членов Совета. Если среди партийцев было больше людей с низшим и средним образованием (58,8% и 57,2% соответственно), то среди беспартийных преобладали депутаты со средним профессиональным образованием (54,3%). Члены ВЛКСМ в основном (85,7%) имели среднее образование.

Прямая зависимость существует между категориями «партийность» и «пол». Если 66% мужчин, в основном занятых на производстве и относящихся к «организованной» группе избирателей, были партийными, то 59,4% женщин-депутатов оставались беспартийными. Одной из причин такого дисбаланса, наряду с действиями факторов традиционного характера, является принадлежность большинства представительниц женского населения к «неорганизованной» группе избирателей, для которых не существовало льготных условий вступления в партию.

Существенной характеристикой социального портрета депутата Городского совета являлся уровень образования. Особо остро стоял вопрос о грамотности депутатов. В силу многонационального состава советов грамотность (умение читать и писать) засчитывалась на любом национальном языке. Из 215 депутатов, указавших уровень своего образования, лишь 0,9% были неграмотными. Обращает на себя внимание факт принадлежности всей совокупности неграмотных к рабочему классу, что подтверждает более низкий, по сравнению с другими категориями, уровень предъявляемых к рабочим требований для соответствия статусу депутата. По мнению избирательных комиссий, недостаток образования компенсировался политической сознательностью рабочих. Превалирующее число депутатов (76,7%)

имели начальное образование. Из них 154 человека определяли свой образовательный уровень на основании обучения в начальных, народных и сельских школах, 11 человек (5,1%) считали себя малограмотными, то есть научившимися лишь читать (в основном самостоятельно). Хотя большинство депутатов было занято в промышленной сфере, среднее профессиональное образование получили только 35 человек. Высшее образование имели 7 человек, 5 депутатов имели либо незаконченное высшее образование, либо обучались на рабфаке.

Следующая группа параметров относится к вторичным признакам социального облика депутата и включает в себя: самоидентификацию членов совета как ударников коммунистического труда, выбор секции для работы, количество раз избраний в Совет, прохождение воинской службы.

На основании обработки личных карточек депутатов, с привлечением документов, отражающих результаты деятельности местных советов, а также материалов периодической печати, можно представить социальный облик той части населения, которая рассматривала работу в Городском совете как форму активного сотрудничества с властью.

Основу активного типа граждан составляли рабочие как квазипривилегированная группа, которая рассматривалась в качестве авангарда строителей социализма. Социальной базой данной категории были представители молодого поколения, с начальным уровнем образования, преимущественно занятые на производстве и утратившие связь с крестьянским хозяйством. В большинстве своем они избирались первый раз, причем как по собственной инициативе, так и при выдвижении их рабочими коллективами. Членство в партии не было обязательным условием для работы в городском совете, но поскольку большинство депутатов совета составляли рабочие, имеющие льготы при вступлении в ряды Коммунистической партии, то «партийность» депутата постепенно становилась распространенной характеристикой социального облика члена совета.

1. Об определении социального состава организаций в партстатистике. Издание ЦК ВКП(б). М., 1927.

2. ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 12. Д. 32. Л. 121.

3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 417. Л. 92.

4. НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 86. Л. 10.

5. БД «Депутаты», данные сопоставления таблиц «возраст» и «пол».